

ПОДМОСТКИ

Майя Крылова

29 АПРЕЛЯ — день рождения Елизаветы Павловны Гердт, одной из лучших балерин русской и советской сцены, танцевавшей и в Серебряном веке, и в первую пятилетку. Она получила традиции «данс нобль» от отца — премьера петербургского балета XIX в. Павла Андреевича Гердта...

очень любила. О прошлом высказывалась как-то по ходу дела, хотя кому-кому, а ей было что вспомнить. Часто рассказывала об отце, о вдовствующей императрице, к которой Павел Андреевич ее возил. Ее Гердт любила больше, чем Александру Федоровну, считала, что Николай Второй повинен в революции, ненавидела Распутина, говорила — «это должно было плохо кончиться».

Отец был для нее идеалом артиста. «У папы была манера, — говорила Гердт, — теперь никто не понимает, что это такое, что значит выйти на сцену, как надо стоять, держать руки». Она уже не застала отца танцующим — была поздним ребенком, — но видела его в пантомимных ролях. Часто с благодарностью вспоминала Михаила Фокина — Е.П. кончала у него училище. Рассказывала, как танцевала с Нижинским фоккинские балеты «Павильон Армиды» и «Карнавал», как Фокин работал — взрывчато, иступленно, на репетициях требовал от нее отказаться от «традиций Петипа и Гердта».

У Е.П. были свои кумиры, о которых она постоянно говорила. Я по глупости и по молодости не сохранил то, что Елизавета Павловна давала мне в руки много раз, — свои фотографии с Анной Павловой. Вот кто был ее богом! Гердт любила говорить: «Анетт умела танцевать все. В ней было что-то, что словами не выразишь, — но это всех брало за душу». Очень гордилась, что Павлова была ее близкой знакомой и любимой ученицей ее отца, часто бывала у них в доме. Любила рассказывать про странный роман Павловой с Виктором Дандре: как его обвинили в

Елизавета Гердт с Майей Плисецкой в балетном классе.

ОНА БЫЛА ПОХОЖА НА МАДООНН МУРИЛЬЮ

Воспоминания о балерине Елизавете Гердт

Независимая газета, 1998 — 24 апр. — с. 15

— Как произошло ваше знакомство? — С Елизаветой Павловой я познакомилась — страшно вымолвить — в 1950 году. Наша семья жила тогда в Баку. Мама поехала отдыхать в Кисловодск, в санаторий имени Орджоникидзе. Тогда это было, как сказали бы теперь, элитарное место — но по-советски, конечно: жили по два человека в номере. Мама оказалась в одном номере с Гердт. Они очень подружились. Когда я приехал учиться в Москву — мама попросила Елизавету Павловну меня опекать. Я жил на улице Немировича-Данченко, а Е.П. — рядом, на 2-й Тверской-Ямской. Когда впервые пришел к ней — обомлел, увидев невероятной красоты квартиру. Ощущение, что я попал в другое время. Гостиная была заставлена антикварной мебелью красного дерева, причем абсолютно в одном стиле, не то что теперь, когда у владельцев антиквариата что-то от Павла, что-то от Александра или из Екатеринбургских времен. У Гердт был павловский амбир. Тут же висел ее портрет работы Николая Радлова, брата известного театрального режиссера Сергея Радлова. Гравюры, потрясающая хрустальная люстра XVIII века... В спальне было огромное, во все рост, старинное зеркало, вывезенное из Ленинграда: раньше она делала перед ним балетный класс.

Я был гостем этого дома в течение двадцати лет, а в 60-е годы — пожалуй, единственным, кто приходил к Гердт почти каждый день. Хотя был очень занят в аспирантуре — все же старался выкраивать время, потому что любил Елизавету Павловну и очень жалел. Она тогда уже была очень одинока, уже не вела классы в хореографическом училище — и не всегда знала, как справиться с массой повзрослевшего свободного времени. Она научила меня понимать балет и восхищаться этим искусством.

— Часто удел известных балерин — одинокая старость.

— Да, у Гердт так печально сложились обстоятельства. Конечно, ее навещали: любимая ученица Раиса Стручкова — она была, как дочь, в этом доме звалась Стручок. Чаше других бывала Вивиана Абелевна Андроникова — жена Ираклия Луарсбаевича Андроникова. Приезжала вдова художника Вильяма Аннуся. Самой близкой подругой была Сильвия Федоровна — фактическая жена Генриха Нейгауза. В день ее рождения — 29 апреля — всегда приезжал премьер ленинградской и московской сцен, уже на пенсии, Алексей Ермолаев. С большим букетом цветов, сидел в гостиной, неспешно беседовал... Иногда в этом доме бывали приемы, на одном из них я познакомился с Юрием Григоровичем. В последние годы жизни Гердт в ее доме стала бывать Галина Уланова — ее захотела видеть Е.П. Их связывали своеобразные отношения, в свой ленинградский период Уланова репетировала с Е.П. «Лебединое озеро», потом сугубо личные обстоятельства их развели, но, к счастью, они всю жизнь сохраняли уважительное отношение друг к другу.

Я был свидетелем тяжелых минут в ее жизни, ударов судьбы, которые — как я теперь, прожив немало лет, понимаю — были очень горьки. Помню тот день, когда Гердт узнала, что ее последняя и тоже очень любимая ученица Екатерина Максимова перешла к Улановой. Газеты писали «Максимова — ученица Улановой», а Гердт никогда ни с кем об этом не говорила, только обмолвилась: «Пусть будет так».

— Судя по фотографиям, Елизавета Павловна была из другого века — манера держаться, носить платье, аристократический взгляд...

— В детстве ее окружали няни, гувернантки, а знакомые родителей все, естественно, были «комильфо». Сейчас таких людей, как Гердт, просто нет. Она прекрасно владела пером — ее письма читаются как литературное произведение. Свободно говорила по-немецки и по-французски, ее русская речь была безукоризненно правильной.

В жизни, кроме балета, ее мало что волновало — хотя она получила хорошее образование, много читала. Гердт никогда не была общественным человеком и с недоумением относилась к увлечению некоторых ее знакомых «общественной работой», ей это было совсем чуждо. Безразлично относились к наградам и званиям — судила только по мастерству, часто иронически говорила про такую, например, ситуацию: на одной сцене танцуют два народных артиста, при этом отличаясь масштабом дарования, как небо от земли.

И мнение восторженной публики для нее значения не имело, только мнение коллег — и то далеко не всех. Она могла сурово сказать той же Плисецкой: «Что за твоя сегодня?» — «Но вы же видите, какой был успех!» — «Успех? Да в зале никого не было, кроме меня и Марины».

растрате, как Павлова его поддерживала, а потом Дандре стал ее импресарио... В последний раз Гердт виделась с Павловой в 1925 году, когда ездил в Европу и в Берлине не знала, куда бежать, в какой театр. В один вечер выступала «Туся» (ее давняя подруга Тамара Карсавина), в другом месте — танцевала Павлова. Пришлось посмотреть один акт Карсавину и на такси мчаться к Павловой.

Кстати, в конце жизни Е.П. опять стала переписываться с Карсавиной, которая жила в Англии.

Часто Гердт вспоминала о революционных годах — тогда почти все ведущие балерины Мариинского театра уехали за границу, и Е.П. стала примой, в 1919 году получила звание «балерины». «Нас осталось трое — Лена, Леля и я». (В рассказах никогда не назывались фамилии) — только уменьшительные имена.) Имелись в виду Елена Люком и Ольга Спесивцева. «Мы делили спектакли без конфликтов и ссор. Леля танцевала «Жизель», Лена — «Эсмеральду» и «Дон Кихот», я — «Лебединое» и «Спящую» и еще «Раймонду» — эту роль я любила больше всего».

Кроме Павловой, Е.П. обожала Матильду Клединскую — за артистизм. О себе отзывалась трезво: «Актрисой я не была, но танцевала очень чисто. За это меня хвалили критики». Академизм, правильность она ставила в балете выше всего, главным была культура танца.

У Е.П. было огромное количество писем от Акима Вольнского — он был поначалу страстным поклонником Спесивцевой, но потом с ней разошелся и перенес свою благосклонность на Гердт.

— Она рано оставила сцену...

— Да, в 1927 году. Это было внезапное решение. Е.П. рассказывала об этом так: «У меня был спектакль в Мариинке, не помню какой. После него ко мне подошел директор Экскузович и сказал: «Леля, а почему вы сегодня танцевали в пол-нози? А я этого не заметила — что танец будет не в полную силу! Мне казалось, что все в порядке. После этого я на сцену не выходила. Никогда. Мне было 36 лет».

Второй ее радостью — а после ухода на пенсию особенно — была семейная жизнь с Александром Васильевичем Гауком, известным дирижером. (Помню, она полшутя-полусерьезно рассказывала: «Когда я танцевала, говорили: Гаук — муж Гердт. Потом стали говорить: Гердт — жена Гаука».) Первым мужем Е.П. был танцовщик Андрианов, он умер молодым от скоротечной чахотки. Гаука она очень любила, но потом их жизнь разладилась. Они были в эвакуации в войну, Гаук должен был ехать в Москву, и Е.П. волновалась — кто будет его обихаживать? И через знакомых договорилась, что нуждающаяся в деньгах актриса Александровского театра будет помогать ему по дому. Но потом эта женщина с Гауком сошлась, родила ему сына, об этом знали все, кроме Е.П. Разрыв с мужем произошел в 1946 году, Гердт это трагически пережила. Она глубоко чувствовала всегда. Например, очень переживала, что расстроились отношения с Майей Плисецкой — тоже ученицей Гердт. История была некресивая, Елизавета Павловна ее обидела. Потом Плисецкая о ней небрежно написала в мемуарах — на то у нее были, к сожалению, основания.

— Как складывались у Гердт после ухода со сцены отношения с Большим театром? Она была известным педагогом...

— К ней очень хорошо относился Юрий Григорович, а она — к нему. Он ведь племянник Аристина Розия, соученика Нижинского, а с Нижинским Гердт танцевала на выпуске из училища. У Григоровича Е.П. любила «Спящую красавицу» и «Лебединое озеро», про «Спартак» говорила: «Как это можно танцевать, они переломают себе ноги». Восхищалась его «Легендой о Леоне». Гердт всегда ездил на спектакли, когда танцевали ее ученицы. Григорович присылал за ней машину, он ценил Гердт как воплощенную традицию петербургского балета, как «осколок прошлого». Да, она долгое время активно занималась педагогикой — вела класс в хореографическом училище, одно время была его директором. Но совсем не имела административных способностей — признавалась, что ничего не понимает во всех этих бумажках, расписках... В Ленин-

граде у нее была одна любимая ученица — великая Алла Шелест (кстати, одно время — жена Григоровича). Но так сложилось, что, когда Шелест перешла в выпускной класс, Гердт уехала в Москву. Тогда Шелест перешла в класс к Вагановой и у нее окончила школу. Кстати, Алла Яковлевна никогда не говорила «Я ученица Вагановой», как сейчас о ней пишут; она всегда подчеркивала, что училась у Гердт. Когда Шелест приезжала в Москву, она всегда жила у Е.П. — на моей памяти это был единственный случай, потому что Гердт не любила, когда у нее кто-то жил.

Видимо, класс у Е.П. был трудный — многие ученицы с годами уходили. Но Юрий Григорович считает Марину Семенову и Елизавету Гердт лучшими педагогами женского классического танца. Гердт требовала такой откровенности — чтоб каждый мизинец был «на месте», такое исполнение дается непросто... Из училища она ушла с приходом Головкиной.

— Кого Гердт ценила из коллег?

— У Лепешинской ценила темперамент, темп, скорость. К Плисецкой относился по-разному: иногда говорила — «у нее замечательные спектакли», то замечала — «сегодня она висела на Фадеевеве, как на бельевой веревке». Любила Максимову, гордилась своей «Раечкой» Стручковой и «Золушке» — это действительно была прекрасная роль, когда даже труппа ГАБТа — самый взыскательный зритель — устроила исполнительнице овацию.

Талант — это было все для нее. Пропала талантливым людям даже человеческие пороки: «Да, это беда, что NN пьет, но он талантлив». Любила Мариса Лиепу — за сценическое обаяние, за элегантность, даже за Красса в не очень любимом «Спартаке». Очень хвалила танец Васильева (говорила, что он лучше Нижинского), танец Людмилы Семеняки...

— Вы сказали, что на окружающих Гердт произвела впечатление «осколок прошлого»...

— Да — в смысле редкого, исчезающего или исчезающего феномена. Это проявлялось даже в мелочах. Например, такая история. Когда Е.П. не хватало денег — а она привыкла жить широко, — из старого сундука доставались разные дорогие безделушки, я ходил на улицу Горького и сдавал их в антикварный магазин. Один раз она попросила меня продать золотой портсигар. Я пришел к своему близкому другу Гале Волчек и сказал: «Не знаешь такого человека, кому можно продать?» Она говорит: «Надо подумать, покажи». Я достал, а на портсигаре написано: «Солисту Его Императорского величества П.А. Гердту от императрицы Марии Федоровны». Я мчусь обратно в уверенность, что произошла ошибка, и говорю: «Это нельзя пролавать, это историческая реликвия». А она небрежно отвечает: «У меня таких много».

Ее отличала особая несуетность. Помню, Раиса Стручкова прибежала к Гердт в восторге: «Мы едем в Лондон, в Ковент Гарден!» — «Лондон?» — сказала Е.П. — Помню, там ужасные сквозняки». Она в молодости подолгу жила за границей, это для нее не было, как для большинства наших сограждан, неосуществимой мечтой. И выросла совсем в других стандартах — свою трехкомнатную квартиру считала маленькой, всегда душила редкими французскими духами, которых тогда ни у кого не было. В дом отъезда ГАБТа в Серебряном Бору возила 12 чемоданов — постельное белье брала свое.

Я у нее многому пытался учиться, в первую очередь — достоинству. Рассказывала, как она сидела в театре на каком-то важном советском собрании, где выступала Фурцева. Во всем ее облике было так много чуждого этой казенной атмосфере, что Стручкова прислала Е.П. записку: «Мурильо, переименуйте лицо» (она звала Гердт «Мурильо», считала, что Е.П. похожа на его мадонну).

— Из детей Павла Гердта танцующей стала только Елизавета Павловна...

— У Е.П. было две сестры. Одна умерла в начале 50-х, другая долгое время была в ссылке. Она в свое время ушла в «народ», увлеклась эсеровским движением, сидела при большевиках, потом ее выслали в Казань. Е.П. всю жизнь посылала ей деньги. — Она была аполитична?

— Она не любила всего вульгарного, напоистого, бесцеремонного, нутром ошущала фальшь. И потом, в 1917 году Е.П. была уже взрослой, и круг ее общения был, естественно, не пролетарский. Помню, она рассказывала о Крыме в 1919 году, и кто-то ее спросил: «Как, вы были в Крыму при белых?» — она ответила: «Какие белые, не было там никаких белых, там были все свои».

Тем не менее вспоминать первые после-революционные годы она любила, при этом никогда не говорила о лишениях, разрухе. Рассказывала о театре, о ролях, об успехе. Ничему успеху не завидовала — потому что имела свой собственный. Как-то сказала, что после очередной ее «Раймонды» занавес поднимался двадцать раз, а огромная квартира утонула в цветах. «Это нормально, это входит в понятие балетного спектакля».

О политике почти не говорила, но иногда... Во время суда над Синявским и Даниэлем у нее в доме был брат Ираклия Андроникова и стал ругать диссидентов. Е.П. вдруг сказала: «Нельзя судить человека за убеждения».

Советскую власть она не принимала принципиально, но не по принципу «Сталин плохой, Хрущев — хороший», как тогда многие думали. «Этого вообще не должно было быть» — вот ее взгляд. Как это все возникло — ей всегда было непонятно. «Думаю, что матросы побегают — и перестанут». Сталина, как и все, боялась, его смерть восприняла как извращение. С ужасом читала в газетах о «деле врачей», понимая, что все это бред. Как-то ее домработница Маша стала ругаться: «Вот вы принимаете врача, она еврейка, отравит, убьет», и т.д. Е.П. с ней не спорила. Но, когда вышел фильм Ромма «Обыкновенный фашизм», она спрашивала: «Это про нас или про них?»

Да, аполитичность ее можно назвать — потому что она жила искусством. Историю вспоминала по балетным делам, имела свои «опознавательные знаки», иногда забавные. «Мы с ней смотрели фильм Эрмлера «Суд истории» — про монархиста Шульгина. Когда мы вышли из зала, Е.П. сказала: «Я его знала, у него был роман с балериной Трефиловой». Или: «Самой замечательной балериной того времени была Марина» (речь шла о Семеновой).

Она была доброжелательным человеком, но мир ее ценности остался в прошлом. Балачин для нее не был Балачиным, он был Жориком Балачинвалде, который ей когда-то нравился своей выдумкой, хотя она и говорила, что эта выдумка несколько однообразна. «Мы выступали вместе в концертах, он был такой милый, но мне все говорили — зачем ты с ним выступаешь, он ужасный танцовщик». Когда ей говорили, что Балачин стал национальным героем Америки, она отвечала: «Жорик? Как странно. Боюсь, Америка — сумасшедшая страна». Спустила много лет, когда я жил в США, со мной делала интервью о Гердт Анна Киссельгоф, критик газеты «Нью-Йорк таймс». Она мне сказала: «Знаете, почему я вас о Гердт расспрашиваю? Гердт была идеалом Балачина, всю жизнь он говорил: «Это великая балерина»».

— Чем Е.П. интересовалась, кроме балета?

— Любила ходить в «Современник», я ее приохотил. Три раза смотрела «Балладу о невеселом кабачке», очень нравился Михаил Козаков. Иногда ее интересовали изумляющие — был даже такой период, когда она училась в университете марксизма-ленинизма. Говорила: «Мне любопытно, что они напридумывали», переписывала мои университетские тетрадки...

Выписывала «Новый мир». Прочла «Один день Ивана Денисовича» и сказала: «Трудный язык, но прекрасное, что об этом стали говорить вслух». Она всегда радовалась человеческому в человеке.

— Почему она не имела той славы, как у других балерин?

— Она ничего не делала для этого — раз; не привлекала прессу, чтобы о ней писали — два; потом она еще в конце двадцатых кончила танцевать, а не в послевоенную эпоху пропаганды «государственного балета». Но знатоки понимали: Гердт — уникальная балерина, редкая индивидуальность, воплощение чистоты классического танца.

